

В начале века определенной популярностью среди марксистов пользовалась работа К. Каутского "Размножение и развитие в природе и обществе", в которой, в частности, утверждалось, что характер процесса размножения людей ^{1/} "нисколько не изменился на протяжении всей эволюции общественной жизни". Сейчас ни у кого не вызывает сомнения несостоятельность этого тезиса. Существование исторической специфики процесса размножения людей, или воспроизводства населения, засвидетельствована многочисленными историческими и этнографическими исследованиями, да и вся демографическая картина современного мира неопровержимо говорит о теснейшей связи качественных и количественных демографических характеристик с тем этапом исторического развития, на котором находится то или иное население. ^{на} На нынешнем этапе развития знаний о воспроизводстве населения и его связи с другими социальными процессами простого признания исторических изменений в этом процессе недостаточно. Возникает проблема типологии исторических форм воспроизводства населения, выявления его ^{основных} исторических типов и исследования средств демографического регулирования и контроля, свойственных каждому из них.

При этом существенного внимания заслуживает изучения соотношения исторической эволюции воспроизводства населения со всеми остальными сторонами исторического процесса. Нет сомнения, что демографические изменения в истории теснейшим образом связаны с социально-экономическими, но едва ли их можно рассматривать как простое отражение изменений в социально-экономической сфере, как их обязательное автоматическое следствие. Известно немало попыток вульгарного якобы-марксистского толкования места, занимаемого воспроизводством населения в историческом процессе. Достаточно вспомнить нападки того же К. Каутского на формулу Ф. Энгельса, согласно которой производство средств к жизни и производство самого человека — две стороны производства непосредственной жизни, определяющих все историческое развитие, ^{2/} и полемику В.И. Ленина против Н. Михайловского по п

1. К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе, гл. 1.
2. Там же. К. Каутский утверждал, что это было случайное выражение Ф. Энгельса, повторенное /в Предисловии к "Происхождению семьи..."/, которое он нигде больше не повторял. В действительности речь идет о положении, которое было сформулировано К. Марксом и Ф. Энгельсом задолго до этого в "Немецкой идеологии" /см. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, с. 27.

1/
воздушной же формулы. И И. Каутский и П. Михайловский узко трактуя исторический материализм в духе "экономического материализма", приписывали марксизму прямое выведение всех явлений общественной жизни, в том числе и отношений, связанных с размножением людей, из экономических отношений. В действительности же марксизм исходит из известной самостоятельности демографических отношений и их равноправия с экономическими как отношений материальных ~~идеи~~ / "...уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?" - иронизировал В.И. Ленин /^{2/}.

Признание относительной самостоятельности воспроизводства населения по отношению к воспроизводству экономической и социальной структуры общества не означает, однако, исключения демографических процессов из сферы общественного и противопоставления их социально-экономическим процессам как биологического социальному, с чем, к сожалению, и сейчас еще нередко приходится сталкиваться. Нельзя, например, согласиться с высказанным на круглом столе положением о том, что "снижение рождаемости под воздействием социальных факторов имеет свои пределы, определяемые биологической стороной человеческой природы" /В.Ф., 9, стр. 88/ Неубедительно звучат и ссылки на "естественный инстинкт продолжения рода" как на некую биологическую константу, которая лежит в основе демографического процесса /там же/. Никто, разумеется, не отрицает значения биологического в любой области человеческой жизни, однако биологическое здесь присутствует в "снятом" виде, закономерности его проявления имеют общественную природу. Демографическое поведение людей на любом этапе человеческой истории детерминировано не биологическими инстинктами /а существование "инстинкта продолжения рода" и у животных более, чем сомнительно/, а социально-культурными нормами, отражающими общественную потребность в непрерывности демографического процесса.

Будучи материальными и общественными, демографические отношения существуют рядом с экономическими и оказывают самостоятельное влияние на исторический процесс. Разумеется, эта самостоятельность - относительная:

1. В.И. Ленин. Соч., 4 изд., т. 1, стр. 133-134.

2. Там же.

демографическое и экономическое тесно переплетаются между собой, при этом экономические изменения играют в истории особую роль, ибо они обуславливают смену социально-экономических формаций, что, в свою очередь, неизбежно может иметь глубокие демографические последствия. Однако связь между изменениями в экономической структуре общества и в воспроизводстве населения может не быть столь же ^{обязательной,} ~~прямой~~ как связь между изменениями базиса и надстройки при смене социально-экономических формаций. Поэтому-то и необходимо глубокое изучение тех опосредующих звеньев, которые связывают демографическое и социально-экономическое развитие и позволяют понять единство и взаимообусловленность этих двух сторон исторического процесса. Вероятно особое внимание должно быть уделено социокультурному анализу ^{воспроизводства населения} ~~демографическим процессам~~ в его историческом развитии, ибо, как отмечалось на Круглом столе, именно культура служит интегративным фактором демографического поведения, отражающим конкретно-исторические формы производства производства и потребления, социального устройства, бытовых традиций и т.п. /В.Ф., 1, стр. 60/.

Значение социокультурного подхода заключается в том, что он позволяет избежать слишком прямолинейного выведения особенностей демографического поведения людей из экономической специфики того или иного этапа исторического развития, из характера труда, собственности и т.п. Социально-культурные нормы отражают более широкий спектр отношений, нежели чисто экономические и производные от них, они интегрируют в себе тысячелетний опыт народа, особенности ~~существования~~ его исторической судьбы, его существования в определенной природной среде, отражают и ту относительную самостоятельность процесса продолжения рода, о которой говорилось выше. Социокультурный анализ позволяет лучше понять характер исторических изменений в процессе воспроизводства населения ^{принципиальную} ~~и~~ ^и ~~новизну~~ той демографической ситуации, которая существует в наше время.

Один из ^{самых} ~~важных~~ важных и, в то же время, ^{самых} ~~наиболее~~ сложных вопросов современной демографической проблематики - вопрос о механизмах, контролирующих поведение людей в области рождаемости. К числу наиболее распространенных трактовок принципа действия этого механизма принадлежит та, которая связывает уровень рождаемости с прямой заинтересованностью семьи в том или ином числе детей. В прошлом, во времена ~~повышения~~ ~~преобладания~~ преобладания аграрной экономики, ручного труда, отсутствия социального обеспечения стариков и т.п. /так же, как и сейчас в "третьем мире"/ иметь много детей было выгодно, сейчас эта выгода, бывшая главным социальным стимулом к деторождению, отпала. В результате рождаемость снижается, и возникает угроза чуть ли не полного вымирания /если, конечно, не уповать на "инстинкт продолжения рода"/. Таково, в общих чертах, упомянутая трактовка. Из нее делается, в частности, вывод, что необходимо создать какие-то искусственные заменители отпавших стимулов, восстановить утраченную заинтересованность родителей в детях.

С точки зрения историко-материалистического социокультурного подхода такая трактовка не просто слишком прямолинейна /продолжение рода оказывается чем-то второстепенным, производным от экономических отношений/. Она грешит неоправданной модернизацией ~~положения индивидуума и его взаимоотношений с обществом~~ ~~его взаимоотношений с обществом~~ положения индивидуума и его взаимоотношений с обществом в прошлом, ему приписываются избирательность и рациональность поведения, свойственные современному человеку.

Однако характер социально-культурных норм и механизм их реализации механизм доведения общественной потребности до сознания индивидуума в различные исторические эпохи различен. В прошлом, во всех аграрных обществах вопрос о рациональной ~~мотивации~~ ~~мотивации~~ мотивации поведения индивидуума в любой области, в том числе и демографической, как правило не мог даже возникнуть. Эти общества были основаны на непрерывном воспроизведении заранее данных отношений индивидуума и коллектива, так ^{в основных чертах} что поведение индивидуума было объективно predetermined, субъективный момент, индивидуальные решения играли ничтожную роль. И массовое демо-

графическое поведение следовало определенному канону, смысл которого не осознавался - и, конечно, не ставился под сомнение - индивидуумом.

Лишь с появлением буржуазного общества "различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности просто как средство для ее частных целей" и лишь с этого момента можно говорить о рациональной мотивации демографического поведения. Происходит смена механизма демографического регулирования, индивидуум получает известную свободу выбора в своем демографическом поведении, а само это поведение становится осознанным. Это вовсе не значит, что оно выходит из-под социального контроля, становится неуправляемым. Но если управление старого типа заставляло семью, индивидуума идти по единственно возможному пути, то управление нового типа осуществляется при наличии некоторого выбора, оно ориентируется на движение по наиболее целесообразному из многих возможных путей.

Таким образом, с одной стороны, возможности управления демографическим процессом расширяются, с другой же стороны, механизм этого управления становится намного сложнее, чем прежде. Согласование демографического поведения семьи с демографическими интересами общества происходит не непосредственно, а в ходе непрерывного взаимодействия огромного количества экономических, социальных, культурных, политических и т.п. факторов. Результат этого взаимодействия и образует те конкретные условия, в которых семья делает свой демографический выбор. Если указанное взаимодействие представляет собой стихийную игру экономических и социальных сил, то его результат очень трудно предвидеть и уж подавно на него нельзя повлиять в желаемом направлении. Если же, как в социалистическом обществе, факторы общественного развития поставлены под значительный контроль, то, в принципе, можно предвидеть и результаты их взаимодействия, и вытекающие из него демографические последствия, можно и воздействовать на них. Однако для того, чтобы эта принципиальная

возможность стала реальностью, нужно очень хорошо знать закономерности, определяющие поведение демографических переменных в зависимости от изменений в экономической и социальной сфере, и учитывать их на самых ранних стадиях социально-экономического планирования. В противном случае даже при плановом социалистическом хозяйстве демографическое развитие может оказаться стихийным и непредсказуемым. Отсюда - широкий общественный интерес к демографическим проблемам в нашей стране и растущее понимание важности демографических исследований для решения насущных вопросов экономического и социального развития, которое нашло отражение во всех выступлениях на круглом столе "Вопросы философии".

Важное место в работе Круглого стола заняло обсуждение вопроса о желательном направлении демографического развития СССР, причем этот вопрос обсуждался, в первую очередь, под углом зрения интересов народного хозяйства нашей страны. Разумеется, экономический критерий — отнюдь не единственный, с позиций которого можно и нужно оценивать тенденции воспроизводства населения. Нет такой области человеческой жизни, которая не затрагивалась бы происходящими на наших глазах стремительными демографическими переменами — идет ли речь о здоровье людей или об их воспитании, о положении женщины или о проблемах окружающей среды, о правовых или этических аспектах поведения людей. Эти вопросы также обсуждались участниками Круглого стола. Но благоприятное разрешение всех возникающих здесь проблем во многом зависит от того, насколько успешно будет развиваться наша экономика. Отсюда — особый интерес к экономическим последствиям новейших демографических тенденций.

Численность и возрастная структура населения оказывают на экономику двустороннее воздействие, отражающее двойную экономическую природу человека как производителя и потребителя. При этом следует иметь в виду, что сейчас, как никогда прежде, выполнение этих двух ролей опосредовано культурно-экономическими факторами, которые выдвигают на первый план не количественные, а качественные характеристики населения. Как производитель человек выступает не сам по себе, а со всеоружии современных знаний и современной техники. Экономическая мощь государства ныне пропорциональна не просто числу людей, а числу людей, надлежащим образом экономически вооруженных. Следовательно, с экономической точки зрения, целесообразен не любой рост населения, а лишь такой, который позволяет обеспечить наилучшее сочетание в производстве живого и овеществленного труда. Если рост населения будет слишком быстрым, то экономических возможностей общества в каждый данный момент может оказаться недостаточно для обеспечения всех новых работников новейшими, наиболее совершенными средствами производства, и это

может затормозить рост производительности труда. Если же рост населения будет слишком медленным, то, при сложившихся масштабах производства, даже самая совершенная техника может оказаться неэффективной без необходимого притока людей, способных с ней работать, что также поведет к замедлению роста производительности труда.

Примерно так же обстоит дело и с потреблением. Давно прошли те времена, когда некоторые экономисты и демографы пытались оценивать рост населения с точки зрения его обеспеченности минимумом средств существования. Непрерывный рост качества жизни предполагает постоянное расширение и потребностей, и потребления человека, что, помимо всего прочего, связано и с меняющейся ролью человека в производстве. Новые потребности, новый стиль жизни вытекают не только из сознательной ориентации социалистического общества на всестороннее и свободное развитие человеческой личности, но и из тех требований, которые предъявляет к производителю его рабочее место, будь то цех современного завода или лаборатория НИИ, кабина электровоза или космического корабля. Стало быть, и совокупное потребление общества растет не пропорционально только увеличению числа людей, а отражает также быстрый рост душевого потребления. Поскольку фонд потребления общества в каждый данный момент не безграничен и поскольку, как говорилось выше, быстрый рост населения не обязательно тождествен самостому быстрому росту производительности труда, то и рост душевого потребления может затормозиться, если численность населения будет увеличиваться слишком высокими темпами.

Демографические тенденции, таким образом, далеко не безразличны с точки зрения нашего народнохозяйственного развития, причем зависимости здесь оказываются не такими простыми, как казалось в недалеком прошлом, когда некоторые экономисты считали, что чем быстрее растет население, тем больше будет у нас трудовых ресурсов и потому тем лучше для экономики. Было бы, однако, неверным впалать и в другую

крайность и призывать к полному прекращению роста населения и стабилизации его численности. Оптимальное функционирование социалистического народного хозяйства предполагает оптимизацию всех влияющих на него процессов, в том числе и демографических, но для того, чтобы считать оптимальным "нулевой прирост" населения сейчас нет никаких оснований. Помимо того, что "нулевой прирост" сам по себе может оказаться недостаточным для обеспечения необходимых темпов роста производства, немалое значение имеет сильное "постарение" населения, которое неизбежно сопутствует прекращению его роста. Обо всем этом говорилось на нашем круглом столе, но само различие высказанных здесь точек зрения свидетельствует о том, что помимо характеристик демографического развития, оптимальных хотя бы с позиций только экономических критериев /а, как упоминалось, это не единственные возможные критерии/ только начинаются. Этому важному направлению исследований следовало бы уделить гораздо больше внимания, ибо оно дает ключ к научной оценке наблюдающихся и ожидаемых демографических тенденций. А ведь с такой оценки должна начинаться любая работа, связанная с проведением активной демографической политики, с управлением демографическими процессами.

Правильное понимание соотношения экономического и демографического развития чрезвычайно важно также при анализе современных проблем "третьего мира". К сожалению, при обсуждении этих проблем все еще приходится встречаться с упрощенными, а порой и просто неверными представлениями о возможных исторических путях их разрешения. Один из участников круглого стола, например, утверждал, что растущее население в "третьем мире" "оказывается совершенно избыточным в условиях производства, построенного на преобладании капитального оборудования и новейшей технологии" /В.Ф., 1, стр. 70/. Между тем такое производство одно только и может обеспечить выход народов "третьего мира" из хронического состояния голода и нищеты, усугубляющихся быстрым ростом населения, но такого производства, к сожалению, сейчас почти нет в "третьем мире". Ускоренная

индустриализация и связанная с ней перестройка экономической и социальной структуры - главная надежда развивающихся стран, необходимость индустриализации больше, чем ~~каким-либо~~ что-либо другое, объективно толкает эти страны на некапиталистический путь развития, ибо капиталистический путь /и это все лучше осознается в "третьем мире"/ не ведет к достаточно быстрым экономическим и социальным преобразованиям, жизненно важным для развивающихся стран. ~~Или~~ Некапиталистический путь во все не означает отказа от ~~превращения~~ превращения аграрной экономики развивающихся стран в индустриальную, наоборот, он предполагает резкое ускорение такого превращения.